



005015920

На правах рукописи

Богодайко

Богодайко Ольга Викторовна

**МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ОРОЧЕЙ
XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА:
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ**

Специальность 24.00.01 — теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

3 МАЙ 2012

Комсомольск-на-Амуре
2012

Работа выполнена на кафедре теории и истории культуры
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования «Хабаровский государственный
институт искусств и культуры» (ФГБОУВПО «ХГИИК»)

Научный руководитель:

доктор культурологии, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры
ФГБОУВПО «Хабаровский государственный институт искусств и культуры»
Скорин Сергей Нестерович

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, главный научный сотрудник ФГБН
«Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН», руководитель отдела этнографии,
этнологии и антропологии **Старцев Анатолий Федорович**, г. Владивосток

кандидат культурологии, доцент кафедры литературы и культурологии,
ФГБОУВПО «Дальневосточный государственный гуманитарный
университет» **Ильяшевич Оксана Алексеевна**, г. Хабаровск

Ведущая организация:

ФГБОУВПО «Тихоокеанский государственный университет»

Защита состоится 17 мая 2012 г. в 9-00 часов на заседании Объединенного
совета ДМ 212.092.05 по защите докторских и кандидатских диссертаций при
Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении
высшего профессионального образования «Комсомольский-на-Амуре
государственный технический университет» Министерства образования и науки
РФ по адресу: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27, ауд. 201/3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУВПО
«Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет».

Автореферат разослан «16» апреля 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат культурологии, доцент



Я.С. Иващенко

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. С середины XIX века в культуре коренных малочисленных народов юга Дальнего Востока России происходят сложные и противоречивые трансформационные процессы. Под влиянием русской переселенческой культуры орочи изменили свой образ жизни, трудовую, обрядовую и религиозную деятельность. К середине XX века у них исчезли патриархально-родовые отношения. Языком этнообщения стал русский язык, на родном языке частично разговаривает только старшее поколение. Анализ почти столетней истории развития культуры орочей приводит к выводу о том, что в результате ассимиляционных и урбанизационных процессов исчезновению подвержены все формы существовавшей в прошлом традиционной культуры. Поэтому в современной этнокультурной ситуации актуальными становятся проблемы теоретического осмысления уже собранных этнографических артефактов и меморатов, развития методологии исторической ретроспекции, осуществление на их основе реконструкции этнокультурных моделей, необходимых для воссоздания бытовавших в прежние времена культурных реалий. Реконструируемые в исследовании культурно-исторические модели духовной культуры XIX — начала XX века: мифологической картины мира, обрядовой деятельности, в том числе медвежьего праздника и шаманской практики, призваны не только сохранить для будущих поколений орочей уже исчезнувшую этнотрадицию, но и создать необходимые условия для их культурной модернизации, призванной адаптировать этнос к современным процессам глобализации.

Исследование мифологической культуры орочей XIX — начала XX века способствует развитию методологической, эмпирической и источниковедческой базы современной науки, научных представлений о специфике мифо- и ритуалогенеза, последующих процессах мифообрядовой трансформации, а также других культурных явлениях. Результаты реконструкции мифологической культуры орочей позволяют поставить и решить отдельные проблемы исторического и этнокультурологического характера, такие как культуро- и социогенеза, определения истоков национальной культуры и ее межэтнических связей и другие.

Нерешенные теоретические и историко-культурологические задачи исследования мифологической культуры орочей, а также научная, социальная, этническая и нравственная значимость произведенной реконструкции традиционной модели мифологического хронотопа в различных вариантах своего претворения в их этнореальности обуславливают актуальность избранной темы.

Этнические рамки диссертации ограничиваются орочами — одним из этносов тунгусо-маньчжурской языковой группы. Мифологическая культура

орочей рассматривается в системе культурных контактов с нивхами, нанайцами, негидальцами, удэгейцами, уйльта, ульчами и другими народами России.

Хронологические параметры охватывают XIX век — время, когда у орочей доминировали традиционные мифологические формы культуры, и 20-е годы XX века, — время, когда начинается разрушение патриархального этнобытия и появление инновационных форм мифокультуры.

Территориальные границы исследования определяются основным местом современного проживания орочей — Хабаровским краем: городами Амурском, Комсомольском-на-Амуре, Советской Гавани, поселками Новое Омми Амурского района, Акур, Ванино, Датта, Кенада, Тулуки, Усть-Орочская Ванинского района, Снежный Комсомольского района, Заветы Ильича, Иннокентьевский, Лососина, Майский Совгаванского района, Дудин, Калиновка, Солонцы, Циммермановка Ульчского района.

Источниковую базу исследования составляют архивные документы, экспедиционно-полевые материалы и музейные коллекции.

В работе используются материалы центральных, краевых и местных архивов Приморского, Хабаровского краев, Сахалинской области, научных учреждений и географического общества. Ценная информация по мифологии и ритуальной деятельности орочей была извлечена из архивных фондов Б.А. Васильева, Б.А. Куфтина, Н.А. Липской, А.Н. Липского, Л.Я. Штернберга и других, находящихся в архивах Музея антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге, Российского этнографического музея, Петербургского филиала Архива Российской Академии наук и других. Из документов местных архивов большой интерес представляют полевые материалы ведущих дальневосточных этнографов, историков культуры В.К. Арсеньева, С.В. Березнишского, Е.А. Гаер, В.В. Подмаскина, Ю.А. Сема и других, хранящиеся в архивах Приморского центра Российской географического общества — общества изучения Амурского края, Дальневосточного отделения Российской академии наук и Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Экспедиционно-полевые сборы велись автором около семи лет в 2004 — 2010 годах в районах Хабаровского края. Во время полевых исследований автором были записаны аборигенные мифы, фольклорные произведения: театрализованные представления мифологической и сказочной тематики, проведены наблюдения за исполнением современных обрядов: дней рождения, официальных, профессиональных и поселковых праздников, свадебных и похоронных ритуалов и др.

Вспомогательными дополнительными источниками для реконструкции мифологической культуры орочей стали музейные коллекции. В настоящей

работе анализируются экспонаты музеев Хабаровского края: Дальневосточного художественного музея, Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова, Национального этнокультурного центра «Сэнке» рабочего поселка Ванино Ванинского муниципального района.

Степень научной разработанности проблемы

Весь корпус научной литературы по традиционной мифологической культуре орочей целесообразно разделить на три историографических периода. Первоначальный период историографии (1798 — 1930 гг.) представлен описанием похоронных обрядов первооткрывателем орочей де Лаперузом, информацией об их религиозных воззрениях и общественной организации И. Голубцова, И.А. Лопатина, Л.И. Шренка, небольшой научной монографией В.П. Маргаритова, значительное место в которой было отведено духовной культуре орочей. основополагающий вклад в изучение мифологических представлений, шаманской деятельности, образа жизни орочей внесли труды В.К. Арсеньева и Л.Я. Штернберга. Данные труды ученых заложили научную основу исследования истории и культуры орочей.

Второй период орочеведческой историографии (1930 — 1980 гг.) характеризуется появлением как этнографических и филологических трудов С.В. Иванова, Е.Д. Прокофьевой, Т.Ю. Сем, в которых наряду с общими проблемами этнографии коренных малочисленных народов юга Дальнего Востока России были представлены отдельные ороческие артефакты и мемораты, так и работ В.А. Аврорина, Б.А. Васильева, И.И. Козьминского, В.Г. Ларькина, Е.П. Лебедевой, А.В. Смоляк, специально посвященных исследованию истории, культуры и языка орочей.

Современный период научной историографии орочей (1990 — 2000-е гг.) отличается от предыдущих появлением обобщающих аналитических, культурологических и исторических исследований коренных малочисленных этносов Нижнего Амура и Сахалина, среди которых выделяются своей методологической проработанностью, теоретической обоснованностью работы П.Я. Гонтмахера, Я.С. Иващенко, О.А. Ильяшевич, В.В. Подмаскина, С.Н. Скоринова, А.Ф. Старцева, Е.В. Шаньшиной и др. Весомый вклад в этнографическое исследование феномена духовной культуры орочей вносят публикации С.В. Березинского. В его монографии «Мифология и верования орочей» исследуются традиционные представления орочей, их воззрения о душе, духах, системе культов, обряды жизненного цикла, шаманство.

Проведенный историографический анализ показал, что уже собран достаточно обширный по своему объему этнографический материал по мифологии, верованиям, обрядовой, хозяйственной, художественной деятельности орочей.

Но, несмотря на наличие значительного количества этнографических, исторических работ, специального культурологического исследования, реконструирующего мифологическую культуру данного этноса XIX — начала XX века, до сих пор не было создано.

Объектом исследования является мифологическая культура как основная форма традиционной культуры орочей XIX — начала XX века.

Предмет исследования — особенности, тенденции и закономерности процесса функционирования мифологической культуры в системе традиционной культуры орочей.

Цель работы — в процессе исторической реконструкции выявить особенности, тенденции и закономерности развития мифологической культуры — основной формы традиционной культуры орочей XIX — начала XX века.

Для реализации данной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- определить терминологию исследования и обосновать методологию исторической реконструкции мифологической культуры орочей XIX — начала XX века;

- произвести реконструкцию ороческой модели традиционной мифологической картины мира, обрядовой деятельности, в том числе медвежьего праздника и шаманской практики;

- раскрыть особенности, выявить тенденции и закономерности процесса функционирования мифологической культуры в системе традиционной культуры орочей.

Теоретическая и методологическая основа исследования.

Концептуальные положения мировой культурологической и антропологической мысли, теоретические построения как зарубежных (Р. Барт, Ф. Боас, Э. Дюркгейм, Э. Кассирер, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс, Б. Малиновский, Э. Тайлор, З. Фрейд, Дж. Фрэзер, Ф.В.Й. Шеллинг, М. Элиаде, К.Г. Юнг и др.), так и российских (М.С. Каган, А.Ф. Косарев, А.Ф. Лосев, Е.М. Мелетинский, А.Е. Наговицын, С.А. Токарев, В.Н. Топоров, Л.Я. Штернберг и др.), критически осмысленные в соответствии с применяемым исследовательским подходом, определили теоретическую и методологическую основу реконструкции традиционной модели мифологической культуры орочей XIX — начала XX века. Проведенное исследование мифологической этнокультуры опирается на теоретические модели мифа и мифотворчества, позволяющие рассмотреть миф как особый знаково-символический механизм воспроизведения, трансляции и эволюции этноспецифики, а мифотворчество — как основное средство модернизации культуры, конструирования ее новых форм и вариантов.

Для реализации цели и задач исследования использовались подходы, методы и отдельные приемы междисциплинарного характера: системного, теоретического или синхронического (Ю.Н. Солонин), компаративного, феноменалистического (Ю.Н. Солонин), наблюдения, классификации и др. При реконструкции традиционной модели мифологической культуры орочей учитывались различные мифотворческие тенденции в ее развитии, оказывающие как динамичное, так и замедляющее воздействие на этнокультурогенез, общее и уникальное в образовании инновационных мифоформ, их распространенность и значимость в историческом этнокультурном процессе и др.

Комплексное применение вышеперечисленных методов исследования позволило на материалах мифологических, фольклорных, этнографических, архивных и других источников реконструировать основные мифологические символы, образы, архетипы, сюжеты, мифохронотоп и иные компоненты мифологической культуры орочей XIX — начала XX века — одного из этнотворений тунгусо-маньчжурских народов, памятника духовности, ценного достояния мировой культуры.

Научная новизна исследования определяется рядом конкретных положений:

- на этнографическом и историческом материале осуществлена реконструкция модели мифологической культуры орочей XIX — начала XX века: древнейшего мифосознания, восходящего к архетипическому образу Мирового древа; мифологического космовидения; традиционной мифотворческой деятельности: обрядов хозяйственной деятельности и жизненного цикла человека; медвежьего праздника и шаманизма, представляющие культуру орочей одним из этновариантов культуры тунгусо-маньчжуров юга Дальнего Востока России;

- раскрыты особенности, выявлены основные тенденции и закономерности процесса функционирования мифологической культуры в системе традиционной культуры орочей;

- введены в научный оборот новые этнокультурные данные о традиционной мифологии, обрядовой, культовой практике орочей XIX — начала XX века, в том числе собранные автором в результате экспедиционно-полевых работ, архивных и музейных изысканий.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Феномен человеческого бытия хронотоп — синтез времени и пространства — в XIX — начале XX века реализуется у орочей в качестве мифического хронотопа, который обуславливает функционирование в традиционном социуме особого поведенческого регулятива в форме ритуальной циклограммы, пред-

ставленной мифообрядовыми комплексами семейно-бытовой, промысловой, праздничной и шаманской обрядности.

2. В результате анализа реконструированной традиционной модели мифологической культуры орочей XIX — начала XX века установлено, что:

- дошедшие до настоящего времени мифореликты восходят к эпохе неолита и его культурному архетипу — Мировому дереву, а традиционная космология может быть представлена моделью в виде вертикально-горизонтальной трехчастной структуры, состоящей из центра мироздания (среднего, земного пространства) — родового хронотопа и хронотопа сакральных миров: по горизонтали — горно-таежного и водного; по вертикали — небесного (верхнего) и подземного (нижнего);

- ритуал как доминанта традиционной мифологической культуры орочей является социокультурным регулятором аборигенного образа жизни, и, благодаря ему, миф репрезентирует этномодель мира, воспроизводит из поколения в поколение родовой хронотоп и миропорядок, осуществляет этнокоммуникативную функцию, обеспечивает социокультурное единство, сохранение и трансляцию духовного опыта;

- этновариант медвежьего праздника, исполняемый орочами в XIX — начале XX века, имеет древние архетипические корни, генетически восходящие к палеолитическому мифорелигиозному поклонению звероподобному божеству, а его тотемистическая мифология связана с единым для всех коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока древним восточносибирским мифом об «умирающем и воскресающем звере»; является продуктом общечеловеческого и этнического мифотворчества; выполняет социокультурную функцию укрепления родоплеменных устоев и межродового общежития. Идеологический запрет на проведение в 30-х годах XX века у орочей медвежьего праздника стал одним из решающих элементов разрушения вековой этнотрадиции, родоплеменного уклада жизни и началом произошедших культурных перемен, приведших к формированию на основе иной культурной мифологии праздничной обрядности советского, а позднее и постсоветского времени;

- ороческий шаманизм XIX — начала XX века, являясь синтезом мифологического и культового начал, обладал креативной способностью, реализующейся в индивидуальном мифотворчестве шаманов. Этническая специфика шаманизма у амуро-сахалинских тунгусо-маньчжурских народов определяется особенностью родовой и индивидуальной интерпретации шаманами существующего миропорядка, трактовки ритуальной деятельности и др. Физическое истребление шаманов в 30 — 40-е годы XX века и атенетическое образование привели к исчезновению ороческого шаманизма.

3. Мифологическая культура — доминирующая форма традиционной культуры орочей XIX — начала XX века, которой присущи типичные для мифологического сознания черты: архетипичность, синкретичность, символичность, сакральность, инициационность, креативность, антропоцентричность, универсальность, наднациональность и др. Основными тенденциями динамики ороческой мифокультуры являлись цикличность функционирования, родоцентрический принцип организации деятельности, интерпретационно-компенсаторное мифотворчество, замедленный темп развития и ускорение его по причине влияния российской культуры, анимистичность и многомерность мифического этнохронотопа, реинкарнационный принцип динамики мифовремени, многовековая изолированность этнопространства и, начиная с середины XIX века, его открытость российскому инокультурному влиянию, «назревание» культурного взрыва (эпохального «узла времени») и другие.

4. Основные закономерности функционирования мифокультуры в системе традиционной культуры орочей XIX — начала XX века определялись, во-первых, динамикой этнокультуры от элементарных, простых форм к более сложным, разнообразным и многомерным культурным конструктам на основе интерпретационно-компенсаторного мифотворчества; во-вторых, взаимообусловленностью мифологических, ранних религиозных воззрений и обрядовой деятельности существующими параметрами хронотопа, условиями хозяйствования и быта родового сообщества орочей; в-третьих, доминированием мифологической культуры в системе традиционной культуры, мифа — в традиционном аборигенном мировоззрении, а ритуала — в деятельности; в-четвертых, наднациональным характером реализации мифологического мировоззрения орочей, обусловленным взаимодействием их мифокультуры с соседними мифокультурами нанайцев, удгейцев, ульчей, нивхов, а также мифокультурами стадияльно более развитых цивилизаций Китая, России; в-пятых, реализацией мифов и ритуальной практики, направленной на консервацию и изоляцию этнического родового уклада и миропорядка от инокультурного влияния (китайцев, корейцев, русских); в-шестых, формированием персонифицированной креативности в шаманской деятельности и других.

5. Реконструируемая ороческая мифологическая культура — один из культурных вариантов тунгусо-маньчжурских этносов юга Дальнего Востока России, специфика которого проявляется в отдельных трактовках мифологических образов, символов, сюжетов, а также в этновариантных проявлениях ритуальной практики, художественной, хозяйственной и обыденной деятельности аборигенов.

Теоретическая значимость исследования обоснована тем, что на конкретном историко-культурном материале доказаны выносимые соискателем на защиту положения, раскрывающие новые горизонты осмысления традиционной культуры не только орочей, но и тунгусо-маньчжурских народов юга Дальнего Востока: возможность выявления ее локальной специфики и общих закономерностей исторического развития, а также правомерность использования методологии исторической ретроспекции, синхронической и диахронической типологии позволяющих произвести реконструкцию мифологической культуры орочей XIX — начала XX века.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что результаты исследования могут быть учтены при формировании национальной культурной политики на территории Дальневосточного федерального округа России, его материалы использованы в практической деятельности министерства культуры Хабаровского края по сохранению народных традиций в культуре коренных малочисленных этносов. На основе исследования могут быть разработаны и введены в учебный процесс высших, средних профессиональных и средних общеобразовательных учреждений края специальные курсы по этнорегиональному компоненту образования.

Апробация работы.

1. По теме диссертации автором опубликовано 11 научных статей общим объемом 5,3 п.л., включая 4 — в журналах списка ВАК Минобрнауки.

2. Основные научные положения настоящего исследования представлялись на международной (Негосударственный сектор образования. Проблемы, новации, перспективы развития. 2006 г.) и региональной (Художественно-эстетическое образование: опыт, проблемы, перспективы. 2007 г.) научно-практических конференциях.

3. Результаты данного научного исследования внедрены в учебную и научную деятельность кафедры теории и истории культуры Хабаровского государственного института искусств и культуры и кафедры естественных и социально-гуманитарных дисциплин филиала Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Хабаровске.

Структура диссертации подчинена логике изучения объекта и предмета исследования, его цели и задачам. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списков источников и литературы, сокращений и приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении определяются актуальность проблемы, степень ее изученности, этнические рамки, хронологические параметры, территориальные границы, объект, предмет, цель, задачи, теоретическая и методологическая основа, теоретическая и практическая значимость, научная новизна исследования, основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Мифологическая культура: теоретические и исторические аспекты исследования» рассматриваются теоретико-методологические и исторические проблемы исследования. В ней определяется основная терминология, обосновывается методология исторической ретроспекции, предлагаются классификационные модели мифологической культуры орочей XIX — начала XX века.

В первом параграфе «Проблемы дефиниций основных понятий исследования» даются определения основных терминов. Диалектика мифа обусловила мышление человека как первобытной, так и традиционной культуры, обожествление им Природы и Космоса, признание всех вещей во Вселенной живыми. Орочи, как и другие аборигены Сибири и Дальнего Востока, населяли мир различными духами, хозяевами и божествами, символизирующими, как правило, природные, космические явления и стихии, социальную организацию этноса. Мифы долгое время являлись доминирующим информационным каналом передачи от одного поколения к другому накопленного опыта и знания, а вместе с ними — культурных ценностей. Естественно, что с накоплением опыта и знаний изменялись ценностные ориентиры и создавались новые смыслы и символы.

Дефиниции терминологии исследования позволили уточнить и дополнить научные представления о мифе как основополагающем культуруостроительном элементе, средстве коммуникации, социальном и поведенческом регулятиве; мифологии как системе мировосприятия, целостно во всем синтагматическом и семантическом единстве репрезентирующей человеческое и природное бытие; мифотворчестве как личностной или общественной интерпретации своего образа «Я—Мы» в хронотопе; о знаке как маркере материального объекта, об образе как знаке-изображении, символе как семантически наполненном знаке и образе; о мифосимволе как особом символе культуры, означающем единичное, уникальное явление или событие и предоставляющим человеку программу ориентирования, прежде всего, в мире случайного; о ритуале, обряде и празднике как некой «инсценировке» мифологического текста; об обрядовой культуре как мифоритуальной проекции на хронотоп этнобытия, культуре как продукте ми-

фотворчества, сохраняющем в своем геноме мифологические черты и своеобразие.

Под термином «мифологическая культура» понимается форма культуры, созданная в результате мифологической символизации субъектом себя, себе подобных и бытия. Миф не только служит доминирующим средством коммуникации, но и выполняет функцию регулятора социальной организации и норм поведения. Все предметы материальной культуры также подчинены идее и логике мифологической модели устройства окружающей действительности. Каждая вещь и вещный мир в целом несет в себе в особой закодированной знаково-символической форме информацию об образе жизни человека и его социума. Символическая природа мифа обуславливает и взаимопроникновенную связь мифологической культуры с религиозной, художественной, научной культурой и другими системами мировидения и мироосвоения окружающей действительности.

Проведенный анализ основной терминологии исследования создает необходимые условия для определения методологии исторической реконструкции и рассмотрения мифологического хронотопа в качестве неотъемлемого компонента мифокультурной реальности.

Во втором параграфе «Методология исторической реконструкции и мифический хронотоп» предпринимается попытка, опираясь на ряд активно используемых в культурологии методов, обосновать методологию исторической реконструкции как составной части исторического подхода, рассмотреть феномен мифического хронотопа в качестве компонента мифокультурной реальности, а понятия «время» и «пространство» — основных научных категорий исторической ретроспекции.

Хронотоп как один из ключевых конструктов формообразования культуры и элементов культурного моделирования есть не что иное, как синкретическое единство времени и пространства, в большей степени реализованное в форме мифического хронотопа. Его составными компонентами являются мифическое время — способ движения и развития пространства и мифопространство как место — вместилище всего, что есть в данный момент времени в рассматриваемой этнокультуре. В дальневосточной аборигенной, как, и в любой другой мифомодели мира, пространство оживотворено, одухотворено и многомерно. Оно всегда вечно: вне вещей оно не существует. Движение одних пространств относительно других во времени определяет ход истории, в том числе и мифоистории. Отсутствие пространства, так называемое не-пространство, есть хаос до начала творения. Взрыв, катастрофа, кризис, революция и прочие разрушитель-

ные проявления культуры — это не что иное, как попытка вместить в конкретное пространство больше предметов, чем оно способно разместить.

Феномен культурного взрыва, некой пространственно-временной катастрофы следует называть «узлом времени» (термин А.Е. Наговицына), то есть нарушении постепенного поступательного течения времени вследствие разбалансировки системы временных циклов и ее составных частей. Примером таких временных узлов у коренных этносов юга Дальнего Востока могут служить мифологические, фольклорно-обрядовые тексты. Традиционные праздники и ритуалы — это действенный способ уравновесить, сбалансировать временные потоки вселенской космогонической системы и ее частей. Социокультурный узел времени советского периода орочами, как и другими коренными малочисленными народами Севера, до сих пор не преодолен. Их этнокультура как системное образование разбалансирована, традиционный мифоникс времени разомкнут, а былое этнокультурное пространство растворилось в новом советском и последующем за ним постсоветском поликультурном пространстве.

Методология исторической ретроспекции дала основание на мифологическом, фольклорном, и ином этнографическом материале реконструировать историческую реальность — мифологическую культуру орочей XIX — начала XX века.

В третьем параграфе «Классификационные модели мифологической культуры» автором предлагаются синхроническая и диахроническая историко-культурологические типологии мифологической культуры орочей. В соответствии с синхронической моделью в мифологической культуре орочей XIX — начала XX века определяются мифоритуальные комплексы мемориального (совокупность реликтовых мифоформ, образов и структур), актуального (ценностные ориентиры, общественные желания, потребности и иллюзии современного аборигенного общества) и прогностического (представления о будущем человечества) назначения, функционирующие в этноментальной сфере синхронно, что позволяет данную классификацию использовать при синхронической реконструкции мифокультуры.

Диахроническая классификационная модель ориентирована на выявление в мифологической культуре орочей трех периодов ее развития: древнего или архаического, традиционного или патриархального родоплеменного и современного.

Первый, древний или архаический, период мифокультуры орочей (условно до 50-х годов XIX века) характеризуется существованием особого мифического хронотопа, обеспечивающего самостоятельное родоплеменное бытование этноса вплоть до вхождения его в состав России в середине XIX века. Мифо-

культура этого времени архетипична, а значит, мемориальна. В ней сохранялись и активно функционировали реликтовые мифоформы, образы и символы.

Второй, традиционный или патриархальный родоплеменный период мифокультуры орочей (середина XIX — 20-е годы XX века), отличается от предыдущего периода развития возрастающим влиянием на мифологический процесс инокультурного фактора — государственной идеологии Российской империи, христианской православной религии и мифотворческой деятельности народов, колонизировавших территорию исторического местообитания орочей. При этом в данной традиционной модели мифокультуры сохранялись еще архаические мифоритуальные элементы, свидетельствующие о происходящей эволюционной динамике представлений о пространстве, времени и ее символике.

Третий, современный период мифокультуры (начиная с 30-х годов XX века), не рассматриваемый в настоящем исследовании, характеризуется двумя вариантами развития: эпоха мифокультуры советского времени или индустриального общества и эпоха мифокультуры постсоветского или формирующегося постиндустриального общества. В этот период под насильственным государственным воздействием начался процесс разрушения патриархальной мифомодели и активное формирование новых мифопредставлений и культурных реалий, призванных адаптировать аборигенов в поликультурном советском индустриальном обществе.

Разработанные классификационные модели мифологической культуры орочей призваны охватить общее и оригинальное в развитии аборигенной культуры на протяжении 120-и лет ее бытования.

Рассмотренные в первой главе диссертации теоретические и исторические аспекты мифологической культуры позволяют обосновать преимущество исторического подхода в реконструкции мифокультуры орочей XIX — начала XX века, подтвердить идею о мифотворчестве как об одном из способов этнической репрезентации, сохранения, воспроизводства, трансляции и модернизации культуры коренных малочисленных народов, а также уточнить и дополнить представление о мифе как особой культуротворческой форме репродукции, проектирования, конструирования реальности с целью организации и регуляции этнокультурного хронотопа как в традиционном, так и современном поликультурном обществе.

Во второй главе «Опыт исторической реконструкции традиционной мифологической культуры орочей» воссоздаются основные элементы мифологического космо- социо- антропогенеза от архетипа Мирового древа до патриархальной многомерной космогонии орочей XIX — начала XX века, традиционной обрядности, медвежьего праздника, шаманской практики.

Проведенный в первом параграфе «От архетипа Мирового древа к традиционной космогонии» анализ мифа о Мировом древе показывает, что, выступая в качестве смыслового центра мироздания, он структурировал существующий в сознании человека видимый и невидимый мир. Артефакты сакрального отношения к дереву свидетельствуют о том, что у орочей в XIX — конце XX века сохранялись мифопредставления, восходящие к одному из древнейших мифов о Мировом древе. Он фрагментарно представлен в различных мифологических текстах и ритуальной деятельности: в обрядах рождения и воспитания, эротико-брачной, похоронно-поминальной, шаманской и промысловой обрядности. При этом необходимо учитывать, что эти реликты были включены в уже модернизированную этнокосмогонию, которую можно, применяя методологию исторической реконструкции, частично восстановить.

По итогам проведенной реконструкции схематично опишем вертикальную и горизонтальную космографию — многомерную мифологическую модель орочей XIX — начала XX века.

Буа — небесный мир, состоящий из живых существ — небесных тел, которые представлялись орочам аналогами земли с ее горами, лесами, реками и морями. На них жили небожители, похожие на людей и животных. Важное место в небесной мифологии орочей занимали луна — *бе*, солнце — *сеун*, созвездие Большой Медведицы и другие звезды и планеты, которые в их мифах и религиозных представлениях — одновременно и живые существа, и небесные тела.

Средний мир или земля *на* — антропокосмогонический центр ороческой вселенной. В древней ороческой мифотрадиции, *на* — огромный, восьмиугольный, безрогий лось *байдуу сагды на*, части тела которого символизировали реальные объекты природы. В традиционных мифологических представлениях орочей, как и других амуро-сахалинских аборигенов, средний мир, подобно небесному и подземному мирам, членился по горизонтали на три сферы: водную, горно-таежную и центр.

Водный (морской, речной, озерный и т.д.) мир представлялся орочам в образе *Тэмү* — божества, духа-хозяина моря, водной стихии, рыб и морских животных. Культ *Тэмү* и других водных духов выражался в проведении разнообразных ритуалов кормления и обращения к ним с молитвой-просьбой о даровании хорошей погоды и промысловой удачи. Горно-таежный мир представлен разнообразными божествами и духами-хозяевами, покровителями и подателями удачи на охоте: *Дуся ээни* — духом-хозяином тигров, тайги, гор и всех зверей, кроме медведей, *Мата ээни* — духом-хозяином медведей, *Кагдямү* (*Кадзямү*) — духом-хозяином гор, скал и рек, ведающим пушным зверем и рыбой, *Сингжэ(н)* (*Сингэн*, *Хингэн*, *Шинкен*) — духом-хозяином промысла, покровителя охоты и

диких зверей, *Бою эзени*, (*Токи*, *Тони*) — духом-хозяином лесей в образе лося-великана, *Огана* — духом-хозяином сохатого и др.

Одним из важнейших культов, связанных как с горно-таежным, так и водным сакральными хронотопами, был культ животных, воплощенный в образах тигра *фуса*, медведя *мапа*, морских животных — косатки *намүни* (*бити запни*), кита *кадза*, нерпы *хото*. Мифорелигиозные представления о горно-таежном и водном мирах тесно смыкались с культом земли. У каждой местности или всякого природного объекта был дух-хозяин, имевший символическую связь с этно-родовым вариантом мифогенеза мира.

Особую символическую роль в космогонической модели мира и в традиционной обрядности орочей играл культ огня. Огненную стихию олицетворял дух-хозяин огня и домашнего очага *Пузя* (*Пуза*, *Пудя*, *Тава эзени*, *То эзени*). Он считался главной домашней святыней, обладал силой изгонять злых духов, способствовал благополучию хозяйственной деятельности. Сегодня *Пузя* остается самым почитаемым у орочей божеством.

Нижний, подземный мир *бунн* (*бунни*) понимался орочами как местообитание мертвых. Он — аналог земному: там имеется земля, тайга, богатая зверями, реки, обильные рыбой, на небе ярко светит солнце, ночью — луна и звезды. Род имел в подземном мире собственное родовое селение мертвых. По поздним мифорелигиозным версиям человеческий загробный мир делился на два яруса: верхний и нижний или рай *бунни боа* и ад *окки боа*. Прожив в *бунн* длительный срок — несколько веков, *бунингкэ(н)* снова умирали и, по одному из мифовариантов, их души, как дым, просачивались на землю, а по другому — отправлялись по реке на луну *бе*.

С представлениями о загробном мире связаны и воззрения о душе человека. У каждого аборигенного этноса Амура и Сахалина душа называется по-разному, в частности, у орочей — *ханя*. Кроме *ханя* в прежние времена аборигены насчитывали у человека еще две души, а у шамана их было еще больше. Сегодня душу животного орочи также называют *ханя*, а в прежние времена — *сингкэ(н)*. Ее место нахождения — нос животного. Каждое растение также имело свою душу *ханя*.

Таким образом, воссозданная и проанализированная в ходе исследования модель космологических представлений орочей репрезентирует культуру орочей как один из этновариантов культуры тунгусо-маньчжуров юга Дальнего Востока России, исторические корни которого уходят в неолит, к архетипическому фундаменту традиционной мифологии. Мифологическая культура орочей формировалась в результате многовекового соседского взаимодействия с другими амурсо-сахалинскими этносами, бытования их в сходных природно-ландшафтных усло-

виях, единого генезиса архетипов и мифоформ сознания и поведения, что закономерно привело к образованию у них общих черт в духовном культурустроении мира. В ороческой и сходной с нею как тунгусо-маньчжурской, так и нивхской мифологии, сохранились в особой символической форме императивного назначения реликтовые фрагменты первобытной мифосистемы и ее структуры, относящиеся, в том числе, как показала реконструкция, и к древнейшему общечеловеческому мифу о Мировом древе.

Во втором параграфе «Традиционный обряд как феномен мифологической культуры» рассматриваются ритуал и праздник в качестве инсценировки-презентации мифа в динамике его исторического развития, реконструируются основные направления ритуальной деятельности орочей XIX — начала XX века. В традиционной обрядности орочей выделяется два вида обрядовых комплексов: промысловая обрядность и обряды жизненного цикла человека.

Традиционная промысловая обрядность — это особый род символического выражения мифореальности, цель которого при помощи ритуала и магии достичь удачи в промысловой деятельности. У орочей, как и у других коренных малочисленных народов Амура и Сахалина, выделялись два вида промысловых обрядовых комплексов: ритуалы водных и таежных промыслов, которые в XIX — начале XX века носили родовой характер.

Согласно рассмотренным этнокультурологическим фактам, в традиционном обществе господствовал особый мифический хронотоп, устанавливающий для каждого человека регламентируемую многочисленными ритуалами и табу циклограмму, — мифообрядовый комплекс жизненного цикла человека, реализуемый в трех составляющих его мифодействиях: обрядовых комплексах рождения и воспитания детей, эротико-брачном, похоронно-поминальном.

Обобщая изложенное, необходимо отметить доминирующее положение в традиционной культуре орочей XIX — первой половины XX века ритуала. Вся деятельность аборигена — ритуальна: ритуалом регламентировалось его рождение, вступление в семейно-брачные отношения, промысловая деятельность и смерть. Ритуальный этнический миропорядок определялся мифом — мировоззренческой основой любого традиционного общества. Именно миф являлся регулятором не только мировосприятия человеком окружающей действительности, но и его поведения в ней. Миф, воплощенный в ритуальной форме, репрезентировал этническую картину мира, укреплял социальное единство и установленный традицией миропорядок, организовывал деятельность сообщества на достижение значимой общественной цели, транслировал духовный опыт, адаптировал подрастающее поколение или инородный компонент в этнокультурном хронотопе.

В третьем параграфе «Медвежий праздник как мифотворческое деяние» на основе анализа этнокультурологического материала реконструируются основные этнические черты космогонической этномистерии орочей XIX — начала XX века — медвежьего праздника, ежегодное исполнение которого воспроизводило в историческом хронотопе этнотрадицию, укрепляло родоплеменное социальное устройство, снимало накопившиеся в народном сознании антинормальные противоречия, восстанавливало обычную циклограмму жизни.

В прежние времена у орочей, как и уйльта, ульчей, а также нивхов, был один праздник в двух вариантах: убийство дикого медведя на охоте и медведя, выращенного в неволе. Обычно праздник, устраиваемый орочами по случаю убийства медведя на охоте, проводился в конце зимы. Орочи последовательно совершали ритуалы побудки, убийства, разделки, поедания мяса священного зверя и захоронения его останков в дупле дерева, либо в специально построенном для этих целей погребальном комплексе *гудуна*. Другой вариант медвежьего праздника, проводимого по случаю убийства выращенного в неволе медведя, представлял собой ритуальное умерщвление священного зверя, «воспитанного» в домашних условиях. Он отличался от ранее рассмотренного образца своей масштабностью, торжественностью, многочисленностью и длительностью. В настоящее время медвежий праздник орочи не проводят, но уважительное отношение к медведю как своему тотему у них сохраняется в формах самостоятельного художественного творчества в виде изображения в произведениях декоративно-прикладного искусства, музыкальной, хореографической и иной направленности, исполнения театрализованных представлений во время современных народных праздников.

Таким образом, реконструируемый на основе этнографического и фольклорного материала медвежий праздник орочей XIX — 20-х годов XX века представлял собой этномистирию — своеобразный мифоритуальный комплекс со своим праздничным хронотопом, включающим родоплеменной ареал обитания и сакральный потусторонний «медвежий» мир. Он был призван укрепить существующие межродовые связи и родственные отношения внутри рода на основе ритуального исполнения космогонического акта, воплощенного в мифондее: своего родства с природой, олицетворенной в синкретическом образе тотема и духа-хозяина одной из вселенской стихии *Мана эзени*. Прекращение исполнения данного праздника свидетельствует о серьезных изменениях в этническом сознании, произошедших в 30-х годах XX века и связанных с проводимой в то время социально-экономической и образовательной политикой советского государства.

В четвертом параграфе «Шаманизм: синтез мифа и культа» осуществляется попытка реконструкции шаманской практики орочей исследуемого периода. Шаманство — особый синкретический сплав, синтез анимистической мифологии и раннерелигиозных воззрений. У орочей шаманство носило родовой характер: в каждом роду были один сильный шаман *сагды* и несколько слабых шаманов *нити самани*, которые оказывали помощь сильному во время его камланий. Простых людей, камлавших в основном только для себя, называли *соггы-самани* или *совгене-самани*. *Сагды самани* становились как мужчины, так и женщины. Как правило, шаманский дар передавался по наследству.

В ороческом шаманском обряде инициации выделялись два ритуальных комплекса или этапа: избранничество духами; посвящение, производимое более опытным шаманом. По этнографическим материалам третий этап инициации, а именно, оживление бубна и других шаманских принадлежностей, у орочей отсутствовал. Основой ритуала инициации являлся ороческий миф о рождении и становлении души шамана, прародителем которой был культурный герой тунгусо-маньчжурских народов Амура и Сахалина *Хадау*.

В соответствии с этнографическими данными в ороческом шаманстве доминировал птичий «стиль». Вместе с тем в шаманском облачении был представлен возникший исторически позднее звериный «стиль». В начале XX века ороческий *сагды самани* имел полный набор шаманских принадлежностей: многочисленные деревянные изображения духов *сэвэки* и культовые жертвенные сооружения, а также располагал несколькими облачениями: обычным «рабочим», полным, надеваемым для исполнения ритуала *ханява* (поиска украденной души) и жертвоприношений; парадным, необходимым для выполнения ритуала *уни* (ежегодного благодарения духов-помощников и духа-покровителя). Изготовление татуировок у ороческих шаманов не было выявлено.

Среди сородичей шаманы пользовались непререкаемым авторитетом. Им было предоставлено право решать возникшие споры. Однако в силу более позднего возникновения шаманская деятельность у орочей была ограничена родовым культом. Шаман не имел права вмешиваться в проведение медвежьего праздника, ритуалов близнечного культа и ряда других обрядов.

Дважды в истории предпринимались попытки искоренения шаманства. С середины XIX века с шаманством боролись православные миссионеры, обращая орочей в христианскую веру. В 30-х годах XX века начались репрессии и физическое уничтожение шаманов, в результате которых ороческое шаманство как явление культуры исчезло. Сохранились лишь в качестве реликтов прошлого отдельные элементы камланий, изготовление и применение для лечебных целей амулетов и другие.

В результате анализа этнографических материалов автором произведена реконструкция этнокультурного феномена орочей шаманизма — синкретического явления: синтеза мифа и культа. Орочский шаман — этновариант амурсахалинского шамана — мага и лекаря. Являясь избранником духов, он выполнял священную миссию: охранял души своих сородичей от космического зла и совершал камлания, символизирующие многократно повторяющийся космогонический акт первотворения. Шаман сохранял привычный родовой образ жизни, сотворенный божествами-демиургами, первопредками и зооликами тотемами.

Во второй главе диссертации применяемая автором методика исторической реконструкции позволила на основе анализа обширного этнографического материала по теории и истории культуры одного из малочисленных коренных народов юга Дальнего Востока России — орочей реконструировать доминирующие в XIX — начале XX века опорные структурные элементы мифологической культуры: модели традиционной космогонии, обрядности, в том числе медвежьего праздника и шаманской практики, характеризующиеся этническим мифохронотопом.

В Заключении формулируются главные выводы исследования, сделанные в результате исторической реконструкции традиционной модели мифологической культуры орочей XIX — начала XX века.

Мифологической культуре орочей, являющейся фундаментом их традиционной культуры, были присущи общие основы мифологического сознания:

- архетипичность ее ментальных образов, символов, сюжетов, вероятно, восходящих к истокам антропо- социо- культуругенеза, а возможно, и космогенеза;

- синкретичность, сущностной основой которой и в традиционном, и современном социумах является антропоморфизм — «очеловечивание» объектов и явлений природы;

- символичность, возникшая в процессе культуругенеза в результате анимистического, тотемистического и магического перенесения на природу человеческих качеств и чувств;

- сакральность и в силу этого особая консервативность, что позволяло веками обеспечивать воспроизводство и трансляцию этнотрадиции;

- опосредованная инициация, которая проявляется в реализации различных поведенческих программ, зафиксированных в мифологических текстах, фольклорных произведениях, игровой, обрядовой и шаманской деятельности;

- креативность, выступающая в качестве основополагающего принципа функционирования мифологического мышления и находящая свое непосредственное проявление в мифотворчестве;

- антропоцентричность, обусловившая специфику мифологической гносеологии, определяющей в качестве своего основного приоритета самого человека, им созданного мира и программы его действий, в отличие от научной гносеологии, признающей в качестве объекта исследования природу;

- универсальность, позволяющая символически «обжить» не только весь смысловой континуум человеческого, но и космического бытия, стать своеобразным медиатором между хронотопами, этносами и их культурами, освоить макрокосм и микрокосм (природу и человека), создать различные мифомодели, конструирующие всевозможные пространственно-временные формы: от космического до бытового хронолога;

- «наднациональность» как следствие взаимодействия мифокультур различных этносов.

Специфика орочской мифологической культуры, возникающая в результате интерпретационно-компенсаторного мифотворчества, проявляется в отдельных этноментальных образах, символах, сюжетах, а также в этновариантных элементах ритуальной практики, художественной, хозяйственной и обиходной деятельности аборигенов.

Установлено, что направлениями динамики мифокультуры орочей являются:

- цикличность ее функционирования, способствующая постоянному возрождению сакрального акта мифовремени — первоначала миропорядка, установленного вековой традицией, обеспечивая тем самым, постоянное обновление мифологической этнокультуры;

- родоцентрический принцип организации всей деятельности орочей;

- интерпретационно-компенсаторное мифотворчество позволяющее традиционной культуре не только воспроизводить и транслировать социокультурный опыт, но и адаптировать в этнокультуре иннокультурные и возникающие в ее среде инновационные идеи и смыслы;

- замедленный темпоритм развития орочской мифокультуры в XIX веке, причиной которого является ее изоляция от иных цивилизационно развитых культур и особая ее сакральность и консервативность по отношению к их инновационным идеям и проектам, ускорение под влиянием российской культуры этнического темпоритма в XX веке и др.

К основным закономерностям функционирования мифокультуры в системе традиционной культуры орочей XIX — начала XX века относятся:

- динамика этнокультуры от элементарных, простых форм к более сложным, разнообразным и многомерным культурным конструктам на основе интерпретационно-компенсаторного мифотворчества;

- взаимобусловленность мифологических, ранних религиозных воззрений и обрядовой деятельности существующими параметрами хронотопа, условиями хозяйствования и быта родового сообщества орочей;

- доминирование мифологической культуры в системе традиционной культуры;

- наднациональный характер реализации мифологического мировоззрения орочей, обусловленный взаимодействием их мифокультуры с соседними мифокультурами нанайцев, удэгейцев, ульчей, нивхов, а также мифокультурами стадially более развитых цивилизаций Китая, России;

- реализация мифоидеи и ритуальной практики, направленных на консервацию и изоляцию этнического родового уклада и миропорядка от инокультурного влияния (китайцев, корейцев, русских) и др.

Результаты исследования доказывают правомерность применения методологии исторической реконструкции, позволяющей на основе анализа этнографического, фольклорного, исторического материала воссоздать модель мифологической культуры, определить особенности, выявить тенденции и закономерности процесса ее функционирования в системе традиционной культуры орочей XIX — начала XX века, раскрыть мифокультуру как один из мифотворческих этнопроектов тунгусо-маньчжурских народов юга Дальнего Востока России, являющийся памятником отечественной и мировой культуры. Культурологическое изучение традиционной культуры орочей будет способствовать открытию новых артефактов, меморатов, введению в научный оборот неизвестных ранее архивных, экспедиционно-полевых и музейных источников, появлению инновационных научных идей, мнений и предположений.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Публикации в ведущих рецензируемых журналах:

1. Богодайко, О.В. Космогоническая модель мира орочей XIX — начала XX века: опыт реконструкции [Текст] / О.В. Богодайко // Вестник Тихоокеанского государственного университета. — 2011. — № 1 (20). — С. 261–266.

2. Богодайко, О.В. От архетипа Мирового дерева к традиционной космогонии орочей: опыт историко-культурологической реконструкции [Текст] /

О.В. Богодайко // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 5 (30). – С. 387–391.

3. Богодайко, О.В. Традиционный медвежий праздник орочей как этносоциальный феномен [Текст] / О.В. Богодайко // Этносоциум. – 2011. – № 7. – С. 134–138.

4. Богодайко, О.В. Шаманизм орочей XIX — начала XX века: опыт реконструкции [Текст] / О.В. Богодайко // Вестник Бурятского государственного университета. Серия «Философия, социология, политология, культурология». – Вып. 14а. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – С. 205–209.

Научные статьи в журналах и сборниках:

5. Богодайко, О.В. Космогония орочей XIX — начала XX века [Текст] / О.В. Богодайко // «История и культура Приамурья». – 2009. – № 1 (5). – С. 64–73.

6. Богодайко, О.В. Медвежий праздник орочей как мифологическое явление [Текст] / О.В. Богодайко // Дальний Восток России: прошлое, современность, перспективы. Сборник научных трудов, посвященный 15-летию филиала НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Хабаровске. – Хабаровск: филиал НОУ ВПО «СПб ИВЭСЭП» в г.Хабаровске, 2011. – С. 57–61.

7. Богодайко, О.В. Мифотворчество коренных малочисленных народов Приамурья [Текст] / О.В. Богодайко, Л.В. Протасова // Материалы международной научно-практической конференции: негосударственный сектор образования. Проблемы, новации, перспективы развития. – Хабаровск, 2007. – С. 23–28.

8. Богодайко, О.В. Образ сагды самани в орочской мифологии [Текст] / О.В. Богодайко // «История и культура Приамурья». – 2008. – № 4 (2). – С. 158–167.

9. Богодайко О.В. Традиционная похоронно-поминальная обрядность орочей и их представления о загробном мире [Текст] / О.В. Богодайко // Записки Гродековского музея. – Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2008. – Вып. 20. – С. 119 – 128.

10. Богодайко, О.В., Традиционные представления орочей о душе [Текст] / О.В. Богодайко // Материалы региональной научно-практической конференции «Художественно-эстетическое образование: опыт, проблемы, перспективы». – Хабаровск: Краевое науч.-образ.творч. объединение культуры; ДВ гос. науч. библиотека, 2007. – Т. 1. – С. 107–111.

11. Богодайко, О.В. Шаманство у орочей [Текст] / О.В. Богодайко // «История и культура Приамурья». – 2009. – № 2 (6). – С. 118–125.

9
6

Богодайко Ольга Викторовна

**Мифологическая культура орочей XIX – начала XX века:
историческая реконструкция**

Автореферат

Подписано в печать 14.04.2012

Формат 60x84/16. Бумага писчая. Ризограф RIZO RZ 370EP

Усл. печ. л. 1,25 Уч.-изд. л. 1,34. Тираж 100. Заказ 25742

Полиграфическая лаборатория Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет»
681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27.